

Вернувшись в свои апартаменты, Людвиг первым делом сорвал галстук и швырнул пиджак на пол. Рубашка, выбитая из-под ремня небрежным движением, наполовину застряла в пряжке, но ему было плевать.

Он достал из холодильника банку ледяного пива, жадно приложился к ней и рухнул на диван, бессмысленно уставившись в потолок.

Домашний робот, тревожно помигивая красным индикатором, подкатил ближе и принялся аккуратно собирать разбросанные вещи.

Людвиг активировал терминал и вывел на экран данные Чэн Си. Глядя на голографический портрет мужчины с тонкими, благородными чертами лица, генерал раздражённо взъерошил волосы. В этот момент раздался сигнал входящего вызова. Взглянув на имя, Людвиг принял запрос.

— Что-то случилось? — он даже не подумал привести себя в порядок.

В воздухе возникла проекция Уэнделла. Судя по обстановке, тот тоже был дома, но, в отличие от Людвиг, даже в домашней одежде выглядел безупречно — пуговица к пуговице.

— Ничего особенного. Просто подумал, что ты не в духе, и решил поболтать, — Уэнделл тактично проигнорировал неопрятный вид друга.

— Скорее, побоялся, что я сгоряча натворю дел, и пришёл провести идеологическую обработку, — Людвиг криво усмехнулся и сделал ещё глоток.

Уэнделл не стал отрицать. Он действительно беспокоился.

Людвиг был выходцем из низов. В своё время его заметил ректор Первой военной академии Империи и, оценив талант, пригласил на учёбу в порядке исключения. Ректор не прогадал: Людвиг окончил академию с блестящими результатами и сразу попал в армию. Те годы прошли под знаком бесконечных войн с инсектоидами. Проливая кровь на передовой и буквально выгрызая победы, он шаг за шагом поднялся до нынешних высот.

В нём до сих пор жили привычки простолюдина, которые так презирала аристократия. Людвиг платил знати той же монетой, не вынося их вечных подковёрных игр. Однако обе стороны были не детьми и понимали необходимость сосуществования, так что до поры до времени сохраняли видимость мира.

Трещина в этих отношениях превратилась в пропасть год назад, после того инцидента с захватом судна.

В академии у Людвиг был верный соратник — Гилберт. Старший сын из обедневшего

дворянского рода, он поступил на службу, чтобы возродить величие семьи. После выпуска Людвиг отправился на фронт, а Гилберт ушёл в снабжение.

Людвиг до сих пор помнил, как Гилберт, отправляя его в первый поход на Шестой район, хлопнул по плечу и рассмеялся: «Ты иди, бей их без оглядки. А я прослежу, чтобы парни не голодали и патронов хватало».

И он держал слово. Та кампания, заложившая фундамент славы Людвигу, наполовину была выиграна благодаря безупречному тылу.

Но Гилберт оказался слишком честным и жёстким для своей должности. Он перекрыл многим «лакомые куски», за что аристократия возненавидела его.

Год назад, когда Гилберт был в отпуске, Людвиг узнал о существовании своего сводного брата. Сам он был связан приказом и не мог покинуть пост, поэтому попросил друга забрать мальчика и привезти в Имперскую столицу.

На обратном пути корабль атаковали звёздные пираты. Половина экипажа погибла, а Гилберт и брат Людвиг пропали без вести — ни тел, ни следов. В ярости Людвиг два месяца прочёсывал тот сектор, пока не вырезал всё пиратское гнездо до последнего человека.

Результаты допросов едва не лишили его рассудка. Эти бандиты были тесно связаны с одной из знатных семей. Нападение не было случайностью — целью был именно Гилберт.

Людвиг ворвался в поместье того дворянина с оружием в руках. Если бы не Уэнделл, подоспевший в последний момент, аристократа забили бы до смерти прямо в его гостиной. В итоге дело замяли: дворянина лишили титула, а правду о заговоре скрыли «ради сохранения престижа империи».

Людвиг побеждал на полях сражений во многом потому, что в его войсках не было места кумовству и интригам. Ему было плевать на происхождение, если у человека есть способности и стержень.

И сейчас Уэнделл связался с ним не просто так. Генерал не раз упоминал о Сичэне, явно желая пополнить его в свои ряды, а недавняя гибель мастера явно была связана с борьбой за трон. Людвиг не мог не провести параллель между этой расправой над талантом и судьбой Гилберта.

Уэнделл не выгораживал знать. Он пытался спасти Людвигу. После сокрушительного поражения инсектоидов в империи воцарился долгий мир, и авторитет армии в глазах народа постепенно таял.

Так бывает всегда: в час великой беды защитники — герои, их имена на каждом углу. Но стоит

туману войны рассеяться, а угрозе отступить — и благодарность сменяется забвением.

Зайца съели — пса в котёл; птиц не стало — лук в чехол. Старая истина о том, что врага иногда нужно приберечь, чтобы выжить самому, казалась нелепой, но в ней крылась горькая правда.

Людвиг не стал бы «выращивать» врага. Он лучше других знал, какой ужас несут инсектоиды. Но в нынешние мирные времена, если он решит пойти напролом против аристократии, его легко сотрут в порошок, как Гилберта.

— Я понимаю, — горько усмехнулся Людвиг. — Спасибо.

Он не сказал главного: в его душе мятежная мысль из робкого подозрения уже превратилась в окрепший росток.

***

Чэн Си вошёл в цех следом за Вито. По пути ему встречались в основном беты. В этом государстве роль человека, казалось, определялась полом при рождении. Мало кто ставил это под сомнение, и ещё меньше было тех, кто готов был бороться.

Рабочие жаловались на мизерные зарплаты, с завистью поглядывали на роскошную жизнь аристократов, но при этом мирились со своей серостью, списывая всё на судьбу: «Ну, я же бета». Они считали, что раз не родились на вершине, то и стараться незачем — ведь их потолок это чьё-то дно.

Чэн Си не знал, было ли это естественным порядком вещей или результатом намеренной политики правящего класса. В обеденный перерыв он не стал примыкать к праздным разговорам коллег.

В прошлой жизни среди его сослуживцев тоже хватало любителей позлословить. Они ворчали: «Хорошо быть гением — в такие годы уже начальник отдела, а мы тут лямку тянем». Когда кто-то удивлялся его стремительной карьере, ответом всегда было: «Ну, Чэн Си — гений, ему дано». Будто всё, чего он достиг, упало ему в руки просто так, по праву «таланта».

Он не осуждал чужой образ жизни. Эти люди, возможно, не станут великими, но они могут быть любящими родителями или добрыми соседями. Однако он имел право выбирать себе соратников и не мог смириться с существованием впустую.

Наставник Чэн Си был легендарным человеком, чьи достижения вписаны в историю, но цена этого величия была непомерной.

Они двадцать лет жили под чужими именами. Никакой связи с семьёй, никаких друзей. В глуши, среди сухих цифр и бесконечных расчётов — и всё ради того, чтобы обеспечить стране

мир.

Когда наставник ушёл в проект, он был молодожёном. Детей у них не было, поэтому спустя десятилетия они усыновили Чэн Си. С детства он боготворил наставника и мечтал достичь тех же вершин. Он наслаждался каждым шагом вперёд, каждым осознанием успеха, что позволяло ему годами не выходить из лабораторий, заваленных чертежами и деталями.

Однако Чэн Си, выросшему в сытые времена, всегда чего-то не хватало. Однажды он спросил жену наставника:

— Вы ненавидите его за то, что он бросил вас на двадцать лет?

— Ненавижу, — улыбнулась она в ответ. — Но я понимаю. Если рухнет гнездо, уцелеют ли яйца? Вы не видели тех времён. Тогда мы жили долгом и самоотречением. Без их жертв не было бы вашего нынешнего «маленького счастья». В этом мире только я имею право упрекать его за разрушенную семью. У всех остальных, включая тебя, нет права даже косо посмотреть в его сторону.

Обычно мягкая, в тот момент она была непреклонна.

Чэн Си тогда не понял до конца, и в его душе закралось сомнение: достоин ли он быть учеником такого человека, если его цели — лишь удовлетворение собственного любопытства?

Позже он во всём признался наставнику, чем вызвал у того лишь раскатистый смех.

— Если бы был выбор, — сказал старик, — никто бы не стал строить страну такими методами. Сейчас многие из тех решений назвали бы бесчеловечными. Но времена меняются. Если можно достичь величия, не принося в жертву всё остальное, — пользуйся этим и не терзайся.

Наспех перекусив питательным концентратом, Чэн Си вернулся к верстаку. Он брал бракованные детали, изучая их структуру и пытаясь угадать назначение. Одна мысль о том, что это части будущих мехов, приводила его в восторг. Это были ступени к его мечте.

Наступит день, когда он познает секреты создания этих машин. Наступит день, когда он сам сядет в кабину пилота. У него напрочь отсутствовало самосознание «беты». Он знал только одно: «Я человек, и я доберусь до вершины».

Прежний Зевир был нелюдим, так что обособленность Чэн Си никого не удивила. Но вскоре к нему подошёл мужчина с ампутированной правой голенью. К удивлению Чэн Си, это был Альфа.

— Смена ещё не началась, — произнёс мужчина, опираясь на костыль.

— Я и не работаю, — Чэн Си покрутил в руках деталь. — А вы кто? Я вас раньше не видел.

Мужчина подтянул табурет и присел:

— С сегодняшнего дня я руковожу вашим отделом.

«Ясно, новый босс». Чэн Си незаметно оглядел его. Было странно: при нынешнем уровне медицины протез стоил копейки. Почему он ходит с костылём? Денег нет?

— Сколько тебе лет? Как тебя вообще взяли? — прямо спросил Альфа.

— Я совершеннолетний, — Чэн Си открыл терминал и вывел данные о рождении.

— Шестнадцать... — мужчина потер подбородок. — Маловат ты для своего возраста. Ростом не вышел.

<http://bllate.org/book/17454/1658797>